

По ту сторону утопии

Два взгляда на постиндустриальный труд

СТЕПАН МЕЖУЕВ

Центр практической философии «Стасис» Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУСПб), Россия, stepan931@gmail.com.

Ключевые слова: марксизм; постопераизм; позднесоветская философия; философия культуры; постиндустриальный труд; Империя; «множество»; имматериальный труд; «всеобщий труд».

Этатизм и анархизм — бинарная оппозиция, которая разделяет марксистов на два, казалось бы, непримиримых лагеря. Однако уже с 1980-х годов и в советской философии, и в европейском марксизме активно набирала популярность идея диалога и коммуникации, которая призвала к компромиссу между оппонентами. А сегодня, когда деполитизирующая природа позднего капитализма тенденциозно сглаживает углы, навязывая радикальный центризм по Энтони Гидденсу, противоречия теряют принципиальное значение. В рамках этой гипотезы автор конструирует теоретический диалог между итальянским постопераизмом (Антонио Негри, Паоло Вирно, Франко Берарди, Маурицио Лаззарато и др.) и отечественными философиями культуры (Владимир Библер, Вадим Межуев, Наль Злобин, Моисей Каган, Арнольд Арнольдов и др.), которые обычно располагаются на противоположных полюсах политического спектра: постопераисты известны как анархисты, а философы культуры более консервативны и скорее ближе к социал-демократам.

Оба теоретических течения схожим образом анализируют новую реальность, где роль главного производителя занимает человек культуры (ученый/художник) или постиндустриальный работник. Новое общество, возникающее на руинах политических идей эпохи модерна, постопераисты маркируют термином «Империя». Автор статьи проводит параллель между новой Империей и поздним СССР, в котором работали философы культуры. В статье сопоставляется критический и апологетический взгляды на постфордистское производство, а также разбираются два предлагаемых проекта Просвещения. В то время как итальянские марксисты призывают искать горизонтальную солидарность в субкультурах, философы культуры встают на позицию власти, разрабатывая педагогические программы переквалификации пролетариата под творческий и научный труд. В статье делается попытка заложить базу для конвергенции двух течений, чтобы построить диалектическую теорию, которая сочетала бы в себе как элементы педагогики, так и программу горизонтальной солидарности.

Постиндустриальное общество как вызов марксизму

ПРОЛЕТАРИАТ во второй половине XX века начал постепенно пропадать с улиц крупных европейских городов, но его марксистская апология теряла актуальность гораздо стремительнее. Американский социолог Даниел Белл, основатель теории постиндустриального труда, в книге 1973 года «Грядущее постиндустриальное общество»¹ предсказывал, что приоритет в производстве будет отдан услугам и идеям, а борьба пролетариата станет архаизмом. Несмотря на то что советская официальная цензура оценивала теорию Белла как антимарксистскую, сам Белл называл себя постмарксистом², признавая, что использует в анализе марксистскую эпистемологию. Другие же социальные теоретики описывали новый вид экономической системы различными терминами: посткапиталистический (Ральф Дарендорф и Питер Друкер), индустриальный в фазе зрелости (Раймон Арон), продвинутый индустриальный (Герберт Маркузе), «техноструктурный» (Джон Гэлбрайт), посткапиталистический (Питер Друкер и Ральф Дарендорф), технотронный (Збигнев Бжезинский), информационный (Герберт Маклуэн, Ёнедзи Масуда), индивидуалистический (Фридрих фон Хайек), интеллектно-информационный (Александр Субетто), сверхиндустриальный (Элвин Тоффлер), общество риска (Ульрих Бек) и т. д. Перечисленные авторы солидарны в том, что научно-техническая революция XX века привела к кардинальным изменениям во всех сферах человеческой жизни, однако оценка этих изменений не однозначно оптимистичная.

Амбивалентность постиндустриального общества несет в себе как потенциал освобождения, так и угрозу возвращения к средневековью, отмечает Тоффлер³, американский футуролог. Прогресс ускоряется, а сама цель движения никому не ясна, что вызывает глубокий «шок будущего» и смятение у обывателей. Если левые не смогут убедительно переформулировать свою повестку

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999.

2. Там же. С. xci.

3. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2003. С. 452.

под новые обстоятельства, то «лекарства» от смятения люди найдут в различных иррациональных антимодернистских направлениях, таких как, например, «новые правые» (Ален де Бенуа, Доминик Веннер), теологии и более примитивные консервативные теории. В этом контексте левым необходимо предложить концепцию альтермодерна (термин, используемый Негри), то есть концепцию, которая стоит на стороне прогресса, но предлагает альтернативное направление фаталистическому неолиберальному подходу.

В рамках разработки левого ответа на вызовы постиндустриального общества конца XX — начала XXI века работали два оригинальных постмарксистских направления. Одно из этих направлений представляют отечественные теории культуры (Библер, Межуев, Злобин, Каган, Арнольдов и др.), другое — итальянский постопераизм (Негри, Вирно, Лаззарато, Берарди и др.) Политическая полярированность двух школ (советская школа склоняется к социал-демократии, а постопераизм проявляет симпатии к анархии) не только не мешает им схоже рассуждать на тему постиндустриального труда, но и делает их потенциальный диалектический синтез продуктивным, поскольку теории подсвечивают разные грани нового общества. Самые неожиданные союзы иногда могут иметь теоретическую перспективу.

Пересечения двух течений. Имматериальный и всеобщий труд

Теории постопераизма и советской философии культуры развивались параллельно, творчески осмысляя те социально-политические преобразования, через которые проходили их страны. Оба направления представляют собой довольно оригинальные интерпретации Маркса, которые совпадают в некоторых смысловых узлах.

Во-первых, они разочарованы в радикальном революционном действии и придерживаются постепенного эволюционного подхода. В постреволюционном проекте СССР интеллигенция стала скептически относиться к идее нового революционного скачка, что особенно проявилось при переходе от оптимизма оттепели к разочарованию застоя. В Италии же после поражения радикальных протестов 1968–1978 годов (*anni di piombo*) философы признали невозможность новой революции в Европе. В итальянской философии это выразилось в смене мейнстрима с радикального операизма (Марио Тронти, Серджио Болонья, Роджеро Панцье-

ри), авангардного теоретического движения 1968 года, на более компромиссный постопераизм.

Во-вторых, обе школы опираются на ранние работы Маркса. Если Эвальд Ильенков, лидер оттепельной философии, заявлял, что ренессанс ранних работ Маркса на Западе и акцент на экзистенциализме «представляет собой чистейшее недоразумение»⁴, то многие его последователи, в том числе философы культуры, начали предпочитать раннего гуманистического Маркса позднему. В ранних работах Маркс рассматривает экзистенциальную роль труда, гегельянское отчуждение и центральное для постопераистов и философов культуры понятие *general intellect*. *General intellect*⁵ — это совокупный объем существующих в обществе знаний, который, в частности, в XIX веке кристаллизовался в машинах и станках, ставших основным средством производства. Постопераисты отсылают к этому термину практически в каждой книге, единогласно заявляя, что именно *general intellect* станет полем великой битвы будущего. Словосочетание *general intellect* Маркс намеренно написал на английском в немецком тексте⁶, чтобы выделить его как самостоятельный термин, однако в советском издании, видимо, устраняя англицизмы, термин перевели как «всеобщий интеллект»⁷ и даже более затейливо как «всеобщие силы человеческой головы»⁸. Оригинальная локализация создала определенный герменевтический барьер, мешающий увидеть, что советские авторы высказываются по синонимичным темам.

В-третьих, оба направления предлагают альтернативу диалектическому описанию исторического развития. Постопераисты известны обращением к идеям антидиалектического французского постструктурализма (Феликса Гваттари, Жиля Делёза и Мишеля Фуко). Позднесоветские исследователи культуры либо разрабатывали идею диалога вместо диалектики (Библер, Каган), либо противопоставляли оригинальную интерпретацию неокантианства гегельянскому марксизму периода оттепели (Арнольдов, Межуев, Злобин). При этом оба направления не отрицают, что

4. *Ilenkov E. V. Marx and the Western World // From the Marxist-Leninist Point of View / N. Lobkowitz (ed). L.: University of Notre Dame Press, 1967.*

5. *Virno P. "General Intellect" in Lessico Postfordista. Milano: Feltrinelli, 2001.*

6. *Marx K. Grundrisse der. Kritik der Politischen Ökonomie Politische Ökonomie: Geschichte und Kritik. Hamburg: Europäische Verlagsanstalt, 1967.*

7. *Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 46. Ч. II. С. 111.*

8. Там же. С. 110.

диалектический метод был полезен для вскрытия противоречий индустриального мира, но в новой экономике он теряет эвристическую способность.

Ответы предлагает уже не «диалектическая», но новая, так сказать, антагонистическая наука⁹.

В-четвертых, оба направления основываются на синтезе идей Спинозы и Маркса, но выделяют различные нарративы в философской системе голландского мыслителя. На итальянцев особенно повлияло делезианское прочтение Спинозы, поэтому они видят в нем протоанархиста с представлениями о положительных политических аффектах и творческой силе множества¹⁰. Советский марксизм, имея долгую историю спинозизма, идущую от Георгия Плеханова, Абрама Деборина и Льва Выготского¹¹, с другой стороны, акцентирует внимание на теории деятельности, единстве мышления и протяженности, а также концепции свободы как осознанной необходимости. Теоретики культуры в полной мере наследники такого прочтения Спинозы.

В-пятых, обе школы в теориях подчеркивают индивидуальность и уникальность каждого индивида вопреки классовому подходу ортодоксального марксизма. Постопераисты, повторюсь, заимствуют понятие «множество» (*multitude*) у Спинозы. «Множество» — это оригинальный концепт описания сообщества индивидуальностей, несводимых к единству классовому или национальному. В советской и постсоветской традиции же культ индивидуальности проявлялся через акцент на «всесторонне развитых личностях», тоже принципиально не сводимых в единую группу.

Общество в этом смысле — это связь не «абстрактных индивидов», неотличимых друг от друга (чем бы оно отличалось тогда от стада или стаи?), а свободных индивидуальностей, каждая из которых обладает своим неповторимым и уникальным лицом¹².

9. Negri A. Some Thoughts on the Use of Dialectics // African Yearbook of Rhetoric. 2012. Vol. 3. № 1. P. 5.
10. Idem. Deleuze/Spinoza. Un devenir-politique // Archives de Philosophie. 2021. Vol. 84. № 3. P. 51–63.
11. Мареев С. Спиноза в советской философии // Логос. 2007. № 2 (59). С. 187–200.
12. Межуев В. М. Социализм — пространство культуры (Еще раз о социалистической идее) // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 3. С. 82–92.

В-шестых, отечественное и постопераистское описание человеческого онтогенеза, процесса формирования личности, во многом сходится, не в малой степени потому, что обе школы опираются на теории Выготского и Михаила Бахтина. Благодаря популяризации Бахтина Юлией Кристевой¹³ в 1960–1970-х годах, а также возрождению интереса на Западе к культурно-исторической методологии Выготского¹⁴ философия итальянских марксистов подверглась влиянию советских классиков. В интервью Алексею Пензину Вирно заявляет:

Я многим обязан мыслям Льва Выготского о коллективе, о связи между коллективом и сингулярностью¹⁵.

В свою очередь американский исследователь постопераизма Мартин Гардинер в работе «Бахтин и *general intellect*» пишет:

Автономисты, прежде всего Лаззарато, но не только он, испытали прямое влияние центральных элементов бахтинской мысли¹⁶.

И Бахтин, и Выготский настаивали, что личность человека — это сингулярность культуры, а потому индивид и общество неразрывно связаны, и такую социальную теорию индивидуации разделяют как постопераисты¹⁷, так и советские философы¹⁸.

Наконец, главное сходство двух направлений — первостепенная роль интеллектуального труда и девальвация пролетариата. Раньше всеобщий интеллект (*general intellect*) опредмечивался в машинах и станках, теперь главное средство производства — сами образованные работники, чьи «родовые качества» стали интенсивнее эксплуатировать. В постопераизме сосуществуют разные способы описания новой формы труда. Известно, что Лаззарато и Негри называют его имматериальным тру-

13. *Kristeva J.* Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman // *Critique*. 1967. Т. 23. № 239. Р. 438–465. Негри в книге «Множество», ссылаясь на Бахтина, опирается именно на интерпретацию Кристевой.
14. *Худик В. А.* Лев Семенович Выготский: вчера, сегодня, завтра // *Коррекционно-педагогическое образование*. 2015. № 2 (2). С. 98–104.
15. *Penzin A.* The Soviets of the Multitude: On Collectivity and Collective Work: An Interview With Paolo Virno // *Mediations*. 2010. Vol. 25. № 1. Р. 81–92.
16. *Gardiner M.* Bakhtin and the “General Intellect” // *Educational Philosophy and Theory*. 2017. Vol. 49. № 9. Р. 893–908.
17. *Тунус Н. Н.* Процесс и отношение: истоки автономистской теории индивидуации // *Полития*. 2021. № 1 (100). С. 44–59.
18. *Ильенков. Э.* Что же такое личность? // *С чего начинается личность* / Под ред. Р. И. Косолапова. М.: Наука, 1984. С. 319–358.

дом¹⁹, тогда как Вирно выделяет аспект виртуозности²⁰, а Берарди пишет о когнитивном труде и когнитариате²¹ и так далее. Различия в описаниях носят скорее косметический характер, поскольку рассуждают постопераисты о сущностно равнозначных явлениях. В свою очередь, философы культуры благодаря отечественному переводу словосочетания *general intellect* синтезируют термин «всеобщий труд». Всеобщий труд связывает отдельную личность и коллективное человечество, символически представленное культурой. Более того, термин «культура» в отечественной философии универсален и на практике синонимичен понятию «всеобщий интеллект»:

К сфере духовной культуры можно отнести знания, навыки и продукты деятельности, связанные с порождением, поддержанием и изменением образцов и механизмов, регулирующих отношения людей²².

Обе школы уверены, что интеллектуальный труд (всеобщий или нематериальный) — доминирующий вид деятельности в новом обществе, несмотря на то что примат постфордистского труда пока характерен не для всей мировой экономики, а только для ограниченной первым миром ее части.

Нематериальный труд оказался сегодня в положении, которое 150 лет назад занимал промышленный труд, когда на его долю приходилась лишь небольшая часть мирового производства, и он был сосредоточен в ограниченной части мира, но тем не менее довлел над всеми другими производственными формами²³.

Подводя итог краткому сопоставлению, вновь подчеркну, что и у итальянских, и у советских марксистов радикальный теоретический поворот произошел в 1970-е годы, а дальше их теории последовательно эволюционировали без кардинальных изменений.

19. Лаззарато М. Нематериальный труд // Художественный журнал. 2008. № 69. URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/23/article/369>.
20. Вирно П. Грамматика множества. К анализу форм современной жизни. М.: Ad Marginem, 2013.
21. Берарди Ф. Душа за работой. От отчуждения к автономии. М.: Грюндриссе, 2019.
22. Арнольдов А. И. Теория культуры: историзм и вопросы методологии // Культура, человек и картина мира / Под ред. А. И. Арнольдова, В. А. Кругликова. М.: Наука, 1987. С. 14.
23. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. С. 141.

Однако серьезная разница в пафосе изложения теорий все же бросается в глаза. Если марксисты из Италии вскрывают перверсивность культуры позднего капитализма, то советские философы со свойственным первооткрывателям восхищением описывают общество постиндустриального производства как воплощение марксистской утопии о «свободном времени». Но именно взгляд как бы по разные стороны утопии делает их имажинативный диалог особенно увлекательным. Начнем с изложения тезисов отечественных мыслителей, заглядывавших за горизонт фордизма с определенной надеждой.

Общение и «отчуждение» как основы человеческой свободы. Отечественный взгляд на человека и культуру

Автор концепции диалогии культур, последователь Бахтина и ветеран Великой Отечественной войны Владимир Библер видел причиной трансформации мира не только развитие технологий, но и тот факт, что в прошлом веке лицом к лицу столкнулись европейцы и африканцы, коммунисты и фашисты, рабочие и художники, а человек реже жил в своем доме и трудился на рабочем месте, чем эмигрировал или погибал в окопах и концлагерях, поневоле соседствуя со случайными спутниками. Беспрерывная трансформация социальной жизни заставила европейцев разглядеть позицию *другого* и одновременно ощутить отчуждение от универсальных идеологий. По причине вынужденного столкновения не сводимых к единству культурных логик мышление европейцев переходило от логики научного обобщения к логике общения — от наукоучения к логике культуры — от диалектики к диалогике²⁴.

Обращаясь к «Экономико-философским рукописям 1844 года» и теории диалога Бахтина, Библер доказывает, что абсолютно любому человеческому труду по природе имманентно *общение*. Благодаря *общению* каждый акт деятельности представляет собой трансцендентный опыт преодоления личных границ для взгляда на себя со стороны другого, позволяющий человеку обрести свой заверченный образ. Библер, основываясь на этом, остроумно характеризует любую деятельность как «трансценденцию в личную

24. Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1990. С. 9.

имманентность»²⁵, поскольку за счет самоотчуждения и выхода за границы сознания мы постигаем собственную природу. Во всеобщем труде *отчуждение* и *общение* проявляются в наибольшей мере, поскольку в производстве культуры и науки материальный предмет — лишь средство для прямого общения между людьми. Распространение всеобщего труда в конце XX века сделало явным, что *общение* и *отчуждение* — это главные атрибуты человеческой деятельности в спинозовском смысле²⁶.

Эффект отчуждения, который стал одной из главных проблем постопераизма и западного неомарксизма в целом (Теодор Адорно, Андре Горц, Макс Хоркхаймер, Герберт Маркузе, Эрих Фромм и др.), Ильенков обещал обязательно преодолеть в коммунистическом обществе²⁷. Однако уже в отечественном культурологическом дискурсе отчуждение, напротив, описывалось как главное свойство любой деятельности и залог человеческой свободы²⁸.

Апология всеобщего труда выстроена на феномене отчуждения. Высшая цель человеческой экзистенции — это жизнь в истории человечества — сохранить себя в культуре и науке как отчужденную душу.

Культура есть моя жизнь, мой духовный мир, отделенный от меня, транслированный в произведение (!) и могущий существовать (больше того, ориентированный на то, чтобы существовать после моей физической смерти) в ином мире, в живой жизни людей последующих эпох и иных устремлений²⁹.

Благодаря отчужденному *произведению* (в широком смысле слова) человек вырывается из плена времени и обретает настоящую свободу, запечатлев себя в жизни людей прошлых и будущих поколений.

Подобную соотнесенность с вечностью мы и осознаем как свободу. Свобода нужна человеку для того, чтобы преодолеть временность, конечность своего земного бытия³⁰.

25. Там же. С. 68.

26. *Он же*. Самостоянье человека. «Предметная деятельность» в концепции Маркса и самодетерминация индивида. Кемерово: Алеф, 1993.

27. Ильенков Э. В. Гегель и «отчуждение» / Философия и культура. М.: Политиздат. 1991. С. 141–152.

28. Библер В. С. О Марксе — всерьез (Размышления в конце XX века) // Полис. Политические исследования. 1996. № 1. С. 119–128.

29. *Он же*. От наукоучения — к логике культуры. С. 287.

30. Межуев В. М. Указ. соч. С. 85.

Взгляды представителей отечественного гуманистического марксизма в отношении культуры во многом сходятся, философы нагружают ее сильным аксиологическим значением, существование в культуре — это практически секулярная загробная жизнь. Именно поэтому, по мнению советских гуманистов, пролетариат как класс должен преобразоваться в творческих работников, а главный производственный конфликт — противопоставление «совместного» и всеобщего труда, то есть абстрактного труда, которым нужно заниматься *совместно* на фабрике, и труда, который связывает автора со всеобщей культурой.

Современная (XX век) научно-техническая (шире — производственная) революция заряжена потенцией превратить особую социальность, характерную для всеобщего творческого труда, социальность самодеятельности (деятельности, направленной на изменение самого субъекта деятельности), в решающее, цельное определение практики. Но силы «совместного труда» напряженно сопротивляются такому превращению. Тем самым научно-техническая революция превращает старинную, теневую антиномию «совместности» и «всеобщности» в коренной социальный конфликт века³¹.

Поскольку главная задача — это погружение человека в культуру, то социалистическая утопия интерпретируется не как перераспределение материальных ресурсов, а как обобществление знаний. Интеллектуальное и нравственное развитие людей ставится в приоритет перед другими ценностными парадигмами, именно поэтому кажется, что отечественная философия культуры — это деполитизированное направление. Дело в том, что культ образования и «всестороннего развития личности» — это адаптивный идеал, его можно пропагандировать практически в любой политической обстановке.

Как при советской власти:

Приобщение масс к культуре — необходимое условие эффективности как производственной, так и общественно-политической их деятельности, направленной на создание нового, коммунистического мира, необходимое условие сознательного (со знанием дела) осуществляемого социального творчества³².

Так и в рамках национальной политики:

31. Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры. С. 160.

32. Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. М.: Наука, 1980. С. 4.

Цели этой политики — обеспечение широкого доступа всех слоев населения к знаниям и современным технологиям, массовое приобщение людей к необходимому сегодня уровню освоения духовных ценностей, стимулирование разнообразных форм включения в созидательную деятельность³³.

Наконец, философы видели в наднациональных институтах преимущество, поскольку в рамках этих институтов можно решать глобальные проблемы, вроде: экологии, мировой безопасности или атомной энергетики, а у образованного индивида есть возможность самостоятельно строить отношения с мировой культурой, не будучи ангажированным романтическим национализмом или какой-либо другой идеологией.

Ныне человечество вступило в такую фазу своей истории, которая делает для него жизненно необходимым превращение политических отношений из субъектно-объектных в межсубъектные, и значит — в диалогические³⁴.

Философы культуры в какой-то мере солидарны с либерализмом, однако поскольку утверждают необходимость качественного и обязательного образования для всех слоев населения, склоняются к социализму. «Социализм с человеческим лицом» они видели как продолжение европейского пути развития. В это же время в самой Европе работало направление постопераизма, ставшее свидетелем европейского перехода от индустриального труда и зафиксировавшее, во что превращается общество, когда культурный труд становится доминирующим.

«Коммунизм капитала»: постэквивалентная экономика, деполитизация и нигилизм

Постфордизм — это «коммунизм капитала»³⁵.

Негри и Вирно утверждают, что в конце XX века наступила эпоха «коммунизма капитала», которая представляет собой компромисс между двумя непримиримыми врагами: сам капитализм со-

33. Арнольдов А. И. Образование — энергия духовного мира человека // Гуманитарное пространство. 2012. № 1. С. 46.

34. Каган М. С. Глобализация культурных процессов: становление диалогического мышления // Глобализация: синергетический подход: сб. науч. тр. М.: РАГС, 2002. С. 382.

35. Вирно П. Указ. соч. С. 143.

здает условия для коммунистической утопии. Если переход к «социализму капитала», то есть к радикальному государственному контролю рыночной экономики (кейнсианство, фашизм), был ответом на Октябрьскую революцию в России, то переход к «коммунизму капитала» — это результат событий 1968 года в Европе³⁶. Задача протестов 1968 года в Италии с лозунгом «Отказ от труда» — это требование максимального сокращения необходимого труда рабочих или даже его автоматизации, чтобы, взломав двери фабрик, допустить людей до культуры и общественной жизни³⁷. Двери фабрик были взломаны, и европейские студенты попали в информационное общество, предлагающее, казалось бы, всеобщий труд для каждого, но все оказалось не так беззаботно. В книге «Маркс после Маркса» Негри, опираясь на ранние марксистские тексты, объясняет, как изменилась стратегия Капитала в постфордизме³⁸. На новом экономическом этапе за счет гиперсоциализации труда и его *имматериальной* составляющей ценообразование стало выстраиваться в первую очередь на манипуляции с меновой стоимостью, а абстрактный труд рабочего становился все менее ценным. Само экономическое разделение стало лишь одним из элементов биополитики — контроля над биологической жизнью граждан.

Больше нет никакой связи с (средним) временем (абстрактного) труда, больше нет никакой определяющей пропорциональности между необходимым трудом и избыточным трудом³⁹.

Главная характеристика постфордизма — добыча прибавочной стоимости за счет информационного сопровождения, управления желаниями и вниманием потребителей. Труд работников в области информационных технологий, дизайна, менеджмента, науки, преподавания, сервиса и проч. в равной степени сочетает и производственные, и политические функции, а цель такого труда — влияние на других (коллег, начальство, потребителей, конкурентов и т. д.), стимулирующее исполнителя к постоянному творческому развитию, аналитическому мышлению и эмпатии. При этом коммуникация и творчество в капитализме приобретает невероятную интенсивность и хаотичность.

36. Там же. С. 142.

37. Negri A., Bosteels B. An Italian Rupture: Production Against Development // *Diacritics*. 2009. Vol. 39. № 3. P. 21–27.

38. Negri A. *Marx Beyond Marx: Working Notes on the Grundrisse*. L.: Red Notes, 1988.

39. Там же. С. 37.

Человек, полностью погружаясь в постфордистское производство, вынужден беспрерывно отчуждаться от собственного экзистенциального «я», что уже привело к эпидемии ментальных болезней среди европейского населения. Если, например, Берарди⁴⁰ видит результатом перехода к интеллектуальному труду возрастание панических атак и депрессий, то Вирно указывает, что работник постиндустриальной экономики обречен на нигилизм. Нестабильная занятость (прекарность), стресс, чувство одиночества и творческий характер труда вырабатывают у человека привычку не иметь привычек. По сравнению с XX веком, когда нигилизм являлся скорее побочным эффектом процесса рационализации (как это было описано, например, Мартином Хайдеггером, Георгом Зиммелем и Эрнстом Юнгером), в постфордизме нигилизм становится центральным элементом производственного процесса — главной чертой, определяющей уровень профессионализма⁴¹. Каждый интеллектуальный работник вынужден вести себя в стиле реальной политики, ведь успех зависит от умения подстраиваться под желания заказчика и зрителя.

Тотальное овеществление языка и политизация коммерческой сферы подрывают сами основы демократии. В рамках новой экономики реклама превращается в парадигму мышления и политики⁴². Представитель постопераизма и бахтиновед Лаззарато, критикуя Джудит Батлер и Славоя Жижека, утверждает⁴³, что сегодня перформативные акты в политике (митинги, акции, голосование, «прямое действие») стали безопасны для постиндустриального контроля. Используя перформативные высказывания, граждане и представители власти избегают вовлеченного участия в политическом процессе, потому что научились приспосабливать речь и субъективность к устоявшимся лингвистическим и символическим конвенциям, в которые уже не очень верят. На фоне деполитизации граждан происходит деполитизация самих государств, которые превращаются в бессубъектные транснациональные бюрократические образования, чья единственная цель — контроль. Описывая проект контроля за биологической жизнью (биополи-

40. *Berardi F. After the Future* / G. Genosko, N. Thoburn (eds). Oakland, CA: AK Press, 2011.

41. *Вирно П.* Указ. соч. С. 106.

42. *Берарди Ф.* Указ. соч. С. 121.

43. *Lazzarato M. Signs and Machines: Capitalism and the Production of Subjectivity*. L.A.: Semiotext (e), 2014.

тики), Негри и Хардт переосмыслили концепт империи⁴⁴. Империя, как ее понимает постопераизм, безразлично относится к декларируемым лозунгам. Война, эпидемия, борьба за ценности или культ безопасности — это лишь предлоги для усиления контроля и ужесточения иерархии, а иногда и способы оправдать плановые методы в экономике, считают итальянские анархисты.

Парадоксальным образом появление Империи постопераисты (во всяком случае это точно можно сказать про Негри) считают положительной стороной прогресса — более предпочтительным политическим образованием, чем вражда национальных суверенитетов на прошлом этапе развития, когда проблемы оставались локальными.

Мы заявляем, что Империя лучше в том же смысле, в котором Маркс отстаивает превосходство капитализма над предшествовавшими ему формами общества и способами производства⁴⁵.

Переход в бинарную оппозицию «Империя — множество» неизбежен, поэтому теперь задача марксистов — дать новый политический проект «монстрам» (Негри заимствует теорию монструозности Делёза, маркируя монстрами и людей, и государство в новом мире), которые потеряли под ногами общий фундамент в виде традиционных идентичностей и политических координат.

В сущности, если взглянуть на нынешнее постмодернистское общество, отрешившись от тоски по рассыпавшимся общественным организмам эпохи модерни или народу, которого больше нет, то можно увидеть, что то, с чем мы сталкиваемся, есть своего рода общественное мясо. Это общая плоть, живая материя, не составляющая организма. Нам необходимо узнать, на что она способна⁴⁶.

Изнутри нового постутопического мира обе марксистские школы разрабатывали просвещенческие проекты, но с разных позиций: анархо-коммунистической и социалистической. Оба направления считали, что только через работу со всеобщим интеллектом и общению с другими людьми можно действительно помочь обществу преодолеть кризисы, которые за собой несет новое производство.

44. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004.

45. Там же. С. 54.

46. Они же. Множество. С. 239.

Два взгляда на Просвещение в XXI веке. Диалектика анархизма и социализма

Постфордистский капитализм кажется пародией на советскую романтическую мечту о человечестве художников и ученых, а политическая реальность в Европе и России трансформируется в общество, напоминающее 1970–1980-е годы в СССР. Во-первых, создаются транснациональные объединения, которые поглощают этнические идентичности и суверенитеты, а идеологию цинично используют только как инструмент контроля при деполитизации граждан. Во-вторых, наблюдается переход к экономике, основанной на коммуникации и науке — работе с *general intellect*. Увеличился процент ВВП, выпадающий на сферу 3–4-го непродуктивных секторов экономики (услуги, знания), а крупные капиталистические корпорации срослись с государством и часто представляют одно целое⁴⁷. В-третьих, набрал популярность культ «всестороннего развития» и морального поведения (новая этика, *woke culture*, отечественная цензура и т. д.), контролирующей публичное поведение постфордистских работников. Наконец, усиливается атомизация общества — индивиды погружаются во «вне-находимость» по отношению к навязанным социальным связям, то есть люди в публичном пространстве все чаще прячутся за шаблонным поведением, не проявляя свое истинное лицо. Точно как в период застоя люди ритуально воспроизводили коммунистические лозунги, чтобы им не мешали жить своей жизнью в малом мире⁴⁸. В этой новой реальности и постопераисты, и советские философы культуры видят спасение уже не в политике, а в культуре и общении.

Стоит заметить, что отечественные авторы, в отличие от итальянских глобалистов, специально ограничивались европоцентричными рассуждениями. Логика культуры и общения — это следующая ступень развития специфического европейского общества.

Есть некое особое отличие «логики культуры» от всех предыдущих форм европейской логики⁴⁹.

47. Тоффлер Э. Указ. соч. С. 453.

48. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014.

49. Библиер В. С. Еще один диалог Монологаиста с Диалогиком // Архэ. 1993. № 1. С. 9–70.

Постопераисты, как известно, наоборот, представляют постиндустриальную эру как мировую тенденцию, а европоцентричность считают архаизмом. Постопераистский социальный проект — это не стоп-кран капиталистической акселерации, а ее альтернативный трек. В основе оригинальной теории новой модернизации постопераистов лежат положительные политические аффекты. Так, например, политический проект Спинозы был построен на радости (*gaudium*), подразумевающей расширение возможностей граждан к действию и мышлению. Негри и Хардт придерживаются линии коммунистического спинозизма, выделяя «любовь» и «счастье»⁵⁰ — аффекты, которые побуждают нас к заботе об общем благе (*commonwealth*). Если любовь постопераисты описывают как само стремление к общему, то счастье (*happiness*) они понимают в республиканском смысле, как это было, например, у Д. Дидро, то есть как состояние, противоположное мгновенным удовольствиям и наслаждениям, — как длительное благополучное состояние, которое разделялось бы всеми гражданами. С целью достигнуть общества любви и счастья Негри и Хардт переосмысливают проект европейского Просвещения. Они кратко выражают суть этого переосмысления, трансформируя популяризированный Иммануилом Кантом девиз *sapere aude* («дерзай знать») в «знай, как дерзать», то есть «овладей инструментами сопротивления контролю». Авторы утверждают, что переносят кантианскую мысль с позиции власти на баррикады сопротивления.

Это также проект Просвещения, но основанный на альтернативной рациональности, в которой методология материализма и метаморфоз призывает к силам сопротивления, творчества и изобретения⁵¹.

Постопераистское Просвещение признает необходимость обобществления знаний и технологий, поскольку без овладения навыками постиндустриального труда (программирование, языки, культура и т. д.), без присвоения средств производства *general intellect* рабочий оказывается уязвимым перед биополитическим контролем со стороны корпораций. Работники, обладающие этими навыками, наоборот, могут свободно перемещаться, менять работу и создавать собственные субкультурные сообщества, что-

50. Negri A., Hardt M. *Commonwealth*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011.

51. Там же. С. 21.

бы самостоятельно управлять своей судьбой. *Номадизм*, концепт, заимствованный у Делёза и Гваттари, для Негри является освободительной стратегией.

Скорее оставаясь внутри господствующей культуры, мы создаем не только субкультурную альтернативу, но и, что важнее, новые коллективные сети для выражения своих позиций⁵².

В горизонтальном общении малых групп когнитариат может найти как лекарство от нигилизма и тревоги, так и возможность для новой политической субъективации, то есть постопераисты предлагают создавать и развивать андеграундную культуру параллельно господствующему дискурсу, что, по их мнению, неизбежно отвяжет постиндустриальный труд от диспозитивов жесткой капиталистической конкуренции.

Проблема постопераистов в том, что они высказывают социальные программы тем, кто и так готов их слушать, посещать лекции, покупать их книги, а это уже достаточно просвещенные и обеспеченные люди, которые ощущают потерю субъектности и чувства времени в позднем капитализме. На данный момент, как бы ни хотели итальянцы представить все человечество с помощью понятия множества, «множеством» реально могут назвать себя привилегированные европейцы, которые пытаются осмыслить себя как носителей гегелевского «несчастливого сознания». Постопераисты апеллируют к психологическим проблемам, потому что это главный тренд скучающего среднего класса в развитых странах.

Философы культуры поспорили бы с этим подходом, поскольку для них главная проблема обществ постиндустриального труда — не в том, что всеобщий труд угнетает «родовые качества» личности, провоцируя депрессии, и даже не в том, что он осуществляется в форме наемного труда, а в том, что когнитивным трудом занимается еще недостаточный процент граждан. Если изначально марксизм в СССР стал теорией энтузиазма и модернизации, преобразующей аграрную страну в товарищество пролетариев, то теперь при смене производственной доминанты необходима и смена ведущего класса: вместо диктатуры пролетариата, грубо говоря, нужна диктатура когнитариата. Отечественные философы всегда были ближе к политическому руководству страны, чем итальянские анархисты, находящиеся в подполье. Они, в отличие

52. Хардт М., Негри А. Множество. С. 320.

от постопераистов, полагали, что государственная администрация прислушается к их рассуждениям о целях развития общества и возьмет на вооружение их педагогические программы⁵³. В связи с этим теоретики культуры все-таки склоняются к социализму, хоть и социально-демократического толка. Социалистический, внерыночный путь управления культурой позволит европейскому обществу оправдать лидерство, воспитывая «всесторонне развитых личностей» и избегая жестоких конфликтов и экологических кризисов, которые неизбежно возникнут при бесконтрольной капиталистической конкуренции,

Но что касается психологических проблем, то это новые, но необходимые вызовы на более высокой ступени развития личности, по мнению Библера. Человек, создавая авторский продукт, всегда наталкивается на свое абсолютное одиночество, ведь занимается всецело личным делом, но находит собственную же абсолютную коллективность в культуре, по этой причине общество всеобщего труда неизбежно будет испытывать оба аффекта: чувство отчуждения от социальной жизни и чувство культурно-исторической коллективности. Кроме того, к сожалению, просвещенческий проект оказывается не только *расколдовыванием мира* в понимании Макса Вебера, но и *раз-очарованием* в нем. Самому знанию присущ трагический момент обесценивания личных экзистенциальных оснований.

Культура — трагедия трагедий, когда одна в другую (как в китайской костяной головоломке) вточены многообразные шаровые поверхности драматического действия и катарсиса; когда реальное общение и взаиморазвитие отдельных персонажей осуществляется как общение и диалог различных трагедий⁵⁴.

Трагедийная природа знания и культуры часто побуждает людей оставаться в блаженном неведении, и только Спинозовская «осознанная необходимость» может вывести их к познанию. Воспитание же и призвано быть таким навязанным осознанием.

В финале статьи обрисую, в чем заключается возможность потенциального синтеза двух направлений. Постопераисты отказываются принимать, что борьба за обобществление знания несет

53. Библер совместно с педагогом Сергеем Кургановым успел разработать «Школу диалогии культуры» и даже реализовать несколько идей на практике. См. об этом: Библер В. С. Школа «диалога культуры» // Советская педагогика. 1988. № 11. С. 29–34.

54. *Он же*. От наукоучения — к логике культуры. С. 286.

в себе и авторитарный пафос. Более того, они не выделяют репродукцию «множества» в качестве актуальной проблемы, воспитание детей их не интересует, и это слепое пятно постопераистской теории критиковали как итальянские феминистки во главе с Сильвией Федеричи⁵⁵, так и другие современные анархисты, самый известный из которых — Дэвид Грэбер⁵⁶. Задача воспитания будет вставать снова и снова — новые поколения будут приходиться и заново обретать мышление, что точно подмечала Ханна Арендт⁵⁷, без воспитания современное общество будет только радикальнее поляризоваться. В свою очередь, советские авторы, наоборот, обесценивают или не замечают те проблемы, к которым ведет общество постиндустриального труда, они стремятся воспитать граждан, но после не дают им никакой программы действий, кроме установки на творчество, постопераисты же верно замечают, что заброшенный в неолиберальный капитализм одинокий творческий работник встретит на своем пути больше проблем, чем сможет решить самостоятельно.

По мнению автора, синтез педагогических интенций советских теоретиков культуры и программы постопераистов по созданию субкультур достаточно органичен. Если сформулировать этот синтез в форме девиза, то современный постмарксистский политический проект должен быть диалектическим: предлагать дидактику в раннем возрасте, а свободное формирование сообществ — в зрелом, только таким образом мы можем серьезно рассуждать о всеобщем совершеннолетии по Канту. Этатизм необходим на стадии детства, но становится ненужной репрессивной надстройкой в зрелости, что особенно ощущалось в период застоя. Но если рассматривать проблему постиндустриального труда и неизбежного возвращения политического устройства времен застоя одновременно с позиций социализма и анархизма, то можно попытаться разработать диалектическую, или, если угодно, гибридную марксистскую теорию, которая позволила бы решать проблему освобождения труда как используя потенциал власти, так и опираясь на деятельность просвещенных малых групп.

55. *Federici S. Revolution at Point Zero: Housework, Reproduction, and Feminist Struggle.* Oakland, CA: PM Press, 2012.

56. *Graeber D. "The Sadness of Post-Workerism", Revolutions in Reverse: Essays on Politics, Violence, Art, and the Imagination.* N.Y.: Autonomedia, 2012.

57. *Арендт Х. Истоки тоталитаризма.* М.: ЦентрКом, 1996. С. 652.

Библиография

- Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.
- Арнольд А. И. Образование — энергия духовного мира человека // Гуманитарное пространство. 2012. № 1. С. 24–51.
- Арнольд А. И. Теория культуры: историзм и вопросы методологии // Культура, человек и картина мира / Под ред. А. И. Арнольдова, В. А. Кругликова. М.: Наука, 1987.
- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999.
- Берарди Ф. Душа за работой. От отчуждения к автономии. М.: Грюндриссе, 2019.
- Библер В. С. Еще один диалог Монолога с Диалогиком // Архэ. 1993. № 1. С. 9–70.
- Библер В. С. О Марксе — всерьез (Размышления в конце XX века) // Полис. Политические исследования. 1996. № 1. С. 119–128.
- Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1990.
- Библер В. С. Самостоянье человека. «Предметная деятельность» в концепции Маркса и самодетерминация индивида. Кемерово: Алеф, 1993.
- Библер В. С. Школа «диалога культур» // Советская педагогика. 1988. № 11. С. 29–34.
- Вирно П. Грамматика множества. К анализу форм современной жизни. М.: Ad Marginem, 2013.
- Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. М.: Наука, 1980.
- Ильенков Э. В. Гегель и «отчуждение» / Философия и культура. М.: Политиздат. 1991.
- Ильенков Э. Что же такое личность? // С чего начинается личность / Под ред. Р. И. Косолапова. М.: Наука, 1984. С. 319–358.
- Каган М. С. Глобализация культурных процессов: становление диалогического мышления // Глобализация: синергетический подход: сб. науч. тр. М.: РАГС, 2002.
- Лаззарато М. Нематериальный труд // Художественный журнал. 2008. № 69. URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/23/article/369>.
- Мареев С. Спиноза в советской философии // Логос. 2007. № 2 (59). С. 187–200.
- Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 46. Ч. II.
- Межуев В. М. Социализм — пространство культуры (Еще раз о социалистической идее) // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 3. С. 82–92.
- Тинус Н. Н. Процесс и отношение: истоки автономистской теории индивидуации // Полития. 2021. № 1 (100). С. 44–59.
- Топфлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2003.
- Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004.
- Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006.
- Худик В. А. Лев Семенович Выготский: вчера, сегодня, завтра // Коррекционно-педагогическое образование. 2015. № 2 (2). С. 98–104.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014.
- Berardi F. After the Future / G. Genosko, N. Thoburn (eds). Oakland, CA: AK Press, 2011.

- Federici S. *Revolution at Point Zero: Housework, Reproduction, and Feminist Struggle*. Oakland, CA: PM Press, 2012.
- Gardiner M. Bakhtin and the “General Intellect” // *Educational Philosophy and Theory*. 2017. Vol. 49. № 9. P. 893–908.
- Graeber D. “The Sadness of Post-Workerism”, *Revolutions in Reverse: Essays on Politics, Violence, Art, and the Imagination*. N.Y.: Autonomedia, 2012.
- Iľenkov E. *Marx and the Western World // From the Marxist-Leninist Point of View* / N. Lobkowitz (ed). L.: University of Notre Dame Press, 1967.
- Kristeva J. Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman // *Critique*. 1967. T. 23. № 239. P. 438–465.
- Lazzarato M. *Signs and Machines: Capitalism and the Production of Subjectivity*. L.A.: Semiotext (e), 2014.
- Marx K. *Grundrisse der. Kritik der Politischen Ökonomie Politische Ökonomie: Geschichte und Kritik*. Hamburg: Europäische Verlagsanstalt, 1967.
- Negri A. Deleuze/Spinoza. Un devenir-politique // *Archives de Philosophie*. 2021. Vol. 84. № 3. P. 51–63.
- Negri A. *Marx Beyond Marx: Working Notes on the Grundrisse*. L.: Red Notes, 1988.
- Negri A. Some Thoughts on the Use of Dialectics // *African Yearbook of Rhetoric*. 2012. Vol. 3. № 1. P. 2–11.
- Negri A., Bosteels B. An Italian Rupture: Production Against Development // *Diacritics*. 2009. Vol. 39. № 3. P. 21–27.
- Negri A., Hardt M. *Commonwealth*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011.
- Penzin A. The Soviets of the Multitude: On Collectivity and Collective Work: An Interview With Paolo Virno // *Mediations*. 2010. Vol. 25. № 1. P. 81–92.
- Virno P. “General Intellect” in *Lessico Postfordista*. Milano: Feltrinelli, 2001.

BEYOND THE UTOPIA. TWO VIEWPOINTS ON POST-INDUSTRIAL LABOR

STEPAN MEZHUYEV. Stasis Center for Practical Philosophy, European University at St. Petersburg (EUSPb), Russia, stepan931@gmail.com.

Keywords: Marxism; post-Operatism; late Soviet philosophy; philosophy of culture; post-industrial labor; Empire; “multitude”; immaterial labor; “universal labor”.

Statism and anarchism are a binary opposition that divides Marxists into two irreconcilable camps. This opposition was felt especially irresistible during the Iron Curtain. But already in the 1980s, both in Soviet philosophy and in European Marxism, the idea of dialogue and communication was actively gaining popularity, which called for compromise between opponents. And today, when the depoliticizing nature of late capitalism tendentiously smooth out “rough edges,” imposing radical centrism according to Anthony Giddens contradictions completely lose their fundamental importance. Within the framework of this hypothesis, the author constructs a theoretical dialogue between Italian post-Operatism (Antonio Negri, Paolo Virno, Franco Berardi, Maurizio Lazzarato, etc.) and domestic cultural philosophies (Vladimir Bibler, Vadim Mezhuyev, Nal Zlobin, Moses Kagan, Arnold Arnoldov, etc.), which are usually located at opposite poles of the political spectrum: post-operatives are known as anarchists, and cultural philosophers are more conservative and rather closer to the Social Democrats.

Both schools, referring to Karl Marx’s early works, analyze a new reality where the role of the main producer is occupied by a cultural person (scientist/artist) or a post-industrial worker. Both schools experience a certain affect of disappointment in radical political changes, and therefore see the main way to improve society no longer in political struggle, but in culture and communication. But while Italian Marxists urge to seek horizontal solidarity in subcultures, cultural philosophers take a position of power, developing pedagogical programs to make from proletariat the so-called cognitariat. The post-operatives label the new society emerging with the term “Empire.” The author of the article draws parallels between the new Empire and the late USSR, in which cultural philosophers worked. The article compares critical and apologetic views on post-Fordist production, as well as examines two proposed Enlightenment projects. The article attempts to demonstrate the theoretical similarities of the two directions and lays a certain foundation for their convergence with the aim of creating a dialectical theory that would combine both elements of pedagogy and a program of horizontal solidarity.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-2-195-215

References

- Arendt H. *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism], Moscow, Center-Com, 1996.
- Arnoldov A. *Obrazovanie — energiya dukhovnogo mira cheloveka* [Education Is the Energy of the Human Spiritual World]. *Gumanitarnoe prostranstvo* [Humanity Space], 2012, no. 1, pp. 24–51.
- Arnoldov A. *Teoriya kul'tury: istorizm i voprosy metodologii* [Culture Theory: Historicism and Methodological Issues]. *Kul'tura, chelovek i kartina mira* [Culture, the Human Being, and the Picture of the World], Moscow, Nauka, 1987.
- Bell D. *Griadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting], Moscow, Academia, 1999.

- Berardi F. *After the Future* (eds. G. Genosko, N. Thoburn), Oakland, CA, AK Press, 2011.
- Berardi F. *Dusha za rabotoi. Ot otchuzhdeniia k avtonomii* [L'Anima al lavoro. Alienazione, estraneità, autonomia], Moscow, Grundrisse, 2019.
- Bibler V. Eshche odin dialog Monologista s Dialogikom [Another Dialog Between the Monologist and the Dialogician]. *Arkhe* [Arche], 1993, no. 1, pp. 9–70.
- Bibler V. O Markse — vser'ez (Razmyshleniia v kontse XX veka) [On Marx — Seriously (Reflections at the End of the XX Century)]. *Polis. Political Studies*, 1996, no. 1, pp. 119–128.
- Bibler V. *Ot naukoucheniia — k logike kul'tury. Dva filosofskikh vvedeniia v dvadtsat' pervyi vek* [From Science Studies to the Logic of Culture. Two Philosophical Introductions to the Twenty-first Century], Moscow, Politizdat, 1990.
- Bibler V. *Samostoianè cheloveka. "Predmetnaia deiatel'nost'" v kontseptsii Marksa i samodeterminatsiia individa* [The Self-determination of the Individual. "Object-oriented Activity" in Marx's Concept and Self-determination of an Individual], Kemerovo, Alef, 1993.
- Bibler V. Shkola "dialoga kul'tur" [The School of the "Dialog of Cultures"]. *Sovetskaiia pedagogika* [Soviet Pedagogy], 1988, no. 11, pp. 29–34.
- Federici S. *Revolution at Point Zero: Housework, Reproduction, and Feminist Struggle*, Oakland, CA, AK Press, 2012.
- Gardiner M. Bakhtin and the "General Intellect". *Educational Philosophy and Theory*, 2017, vol. 49, no. 9, pp. 893–908.
- Graeber D. "The Sadness of Post-Workerism", *Revolutions in Reverse: Essays on Politics, Violence, Art, and the Imagination*, N.Y., Autonomedia, 2012.
- Hardt M., Negri A. *Imperiia* [Empire], Moscow, Praxis, 2004.
- Hardt M., Negri A. *Mnozhestvo: voina i demokratiia v epokhu imperii* [Multitude: War and Democracy in the Age of Empire], Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia [Cultural Revolution], 2006.
- Iĭlenkov E. Marx and the Western World. *From the Marxist-Leninist Point of View* (ed. N. Lobkowitz), London, University of Notre Dame Press, 1967.
- Iĭlenkov E. Chto zhe takoe lichnost'? [So, What Is a Personality?]. *S chego nachinaetsia lichnost'* [What Does the Personality Begin With], Moscow, Nauka, 1984, pp. 319–358.
- Iĭlenkov E. Gegel' i "otchuzhdenie" [Hegel and "Alienation"]. *Filosofia i kul'tura* [Philosophy and Culture], Moscow, Politizdat, 1991.
- Kagan M. Globalizatsiia kul'turnykh protsessov: stanovlenie dialogicheskogo myshleniia [Globalization of Cultural Processes: The Formation of Dialogic Thinking]. *Globalizatsiia: sinergeticheskii podkhod* [Globalization: A Synergetic Approach], Moscow, RAPA, 2002.
- Khudik V. Lev Semenovich Vygotsky: vchera, segodnia, zavtra [Lev Semenovich Vygotsky: yesterday, today, tomorrow]. *Pedagogic Correction Education Journal*, 2015, no. 2 (2), pp. 98–104.
- Kristeva J. Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman. *Critique*, 1967, vol. 23, no. 239, pp. 438–465.
- Lazzarato M. Nematerial'nyi trud [Immaterial Labour]. *Khudozhestvennyi zhurnal* [Moscow Art Magazine], 2008, no. 69. Available at: <https://moscowartmagazine.com/issue/23/article/369>.
- Lazzarato M. *Signs and Machines: Capitalism and the Production of Subjectivity*, Los Angeles, Semiotext (e), 2014.

- Mareev S. Spinoza v sovetsoi filosofii [Spinoza in Soviet philosophy]. *Logos* (Russia), 2007, no. 2 (59), pp. 187–200.
- Marx K. Ekonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov [Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie]. In: Marx K., Engels F. *Sochineniia* [Works], Moscow, Politizdat, 1969, vol. 46, pt. 2.
- Marx K. *Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie Politische Ökonomie: Geschichte und Kritik*, Hamburg, Europäische Verlagsanstalt, 1967.
- Mezhuev V. Sotsializm — prostranstvo kul'tury (Eshche raz o sotsialisticheskoi idee) [Socialism Is the Space of Culture (Once Again on the Socialist Idea)]. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2006, no. 3, pp. 82–92.
- Negri A. Deleuze/Spinoza. Un devenir-politique. *Archives de Philosophie*, 2021, vol. 84, no. 3, pp. 51–63.
- Negri A. *Marx Beyond Marx: Working Notes on the Grundrisse*, London, Red Notes, 1988.
- Negri A. Some Thoughts on the Use of Dialectics. *African Yearbook of Rhetoric*, 2012, vol. 3, no. 1, pp. 2–11.
- Negri A., Bosteels B. An Italian Rupture: Production Against Development. *Diacritics*, 2009, vol. 39, no. 3, pp. 21–27.
- Negri A., Hardt M. *Commonwealth*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 2011.
- Penzin A. The Soviets of the Multitude: On Collectivity and Collective Work: An Interview With Paolo Virno. *Mediations*, 2010, vol. 25, no. 1, pp. 81–92.
- Tinus N. Protsess i otnoshenie: istoki avtonomistskoi teorii individuatsii [Process and Relation: Origins of the Autonomist Theory of Individuation]. *Politeia*, 2021, no. 1 (100), pp. 44–59.
- Toffler A. *Metamorfozy vlasti* [Powershift: Knowledge, Wealth, and Violence at the Edge of the 21st Century], Moscow, AST, 2003.
- Virno P. “General Intellect” in *Lessico Postfordista*, Milano, Feltrinelli, 2001.
- Virno P. *Grammatika mnozhestva. K analizu form sovremennoi zhizni* [Grammatica della moltitudine. Per una analisi delle forme di vita contemporanee], Moscow, Ad Marginem, 2013.
- Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation], Moscow, NLO, 2014.
- Zlobin N. *Kul'tura i obshchestvennyi progress* [Culture and Social Progress], Moscow, Nauka, 1980.